

- [Булгаков Михаил](#)

-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Булгаков Михаил

Блаженство (сон инженера Рейна)

Михаил Булгаков

Блаженство (сон инженера Рейна)

Действующие лица:

Евгений Николаевич Рейн, инженер.

Соседка Рейна.

Юрий Милославский, по прозвищу Солист.

Бунша-Корецкий, князь и секретарь домоуправления.

Иоанн Грозный, царь.

Опричник.

Стрелецкий голова.

Михельсон, гражданин.

Радаманов, Народный Комиссар Изобретений.

Аврора, его дочь.

Анна, его секретарь.

Саввич, директор Института Гармонии.

Граббе, профессор медицины.

Гость.

Услужливый Гость.

Милиция.

Действие происходит в разные времена.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Весенний день. Московская квартира. Передняя с телефоном. Большая комната Рейна в полном беспорядке.

Рядом комната гражданина Михельсона, обильно меблированная.

В комнате Рейна, на подставке, маленький механизм.

Чертежи, инструмент. Рейн в промасленной прозодежде,

небрит, бессонен, работает у механизма. Время от

времени, когда Рейну удается настроить механизм, в

комнате начинают слышаться долетающие издали приятные музыкальные звуки и мягкие шумы.

Рейн. Триста шестьдесят четыре... Опять тот же звук... Но ничего больше...

За сценою вдруг возбужденный голос соседки: "Селедки...

Последний день...", потом глухие голоса, топот ног и

стук в дверь Рейна.

Ну, ну! Кто там еще? Соседка (войдя). Софья Петровна! А Софья Петр... ах, нету ее?

Товарищ Рейн,

скажите вашей супруге, что в нашем кооперативе по второму талону

селедки дают. Чтоб скорее шла. Сегодня последний день. Рейн. Ничего не могу ей сказать,

потому что она еще вчера вечером ушла. Соседка. А куда ж она пошла? Рейн. К любовнику.

Соседка. Вот так так! Как же это вы говорите, к любовнику? Это к какому же

любовнику? Рейн. Кто его знает? Петр Иванович или Илья Петрович, я не помню. Знаю

только, что он в серой шляпе и беспартийный. Соседка. Вот так так! Оригинальный вы человек какой! Такого у нас в доме еще

даже и не было! Рейн. Простите, я очень занят. Соседка. Так что ж, селедки теперь пропадут, что ли? Рейн. Я очень занят. Соседка. А она когда придет от этого, беспартийного-то? Рейн. Никогда. Она совсем к нему ушла. Соседка. И вы что же, страдаете? Рейн. Послушайте, я очень занят. Соседка. Ну, ну... Вот дела? Пока. (Скрывается.)

За сценой глухие голоса; слышно: "К любовнику ушла... селедки... последний день...", потом топот, хлопанье двери и полная тишина.

Рейн. Вот мерзавки какие! (Обращается к механизму.) Нет, сначала. Терпение. Выберу весь ряд. (Работает.)

Свет постепенно убывает, и наконец в комнате Рейна темно. Но все слышны дальние певучие звуки.

Парадная дверь беззвучно открывается, и в переднюю входит Юрий Милославский, хорошо одетый, похожий на артиста человек.

Милославский (прислушиваясь у двери Рейна). Дома. Все люди на службе, а этот дома. Патефон починяет. А где же комната Михельсона? (У двери Михельсона читает надпись.) Ах, вот! Сергей Евгеньевич Михельсон. Какой замок курьезный. Наверно, сидит в учреждении и думает, какой чудный замок повесил на свою дверь. Но на самом деле этот замок плохой.

(Взламывает замок и входит в комнату Михельсона.) Прекрасная обстановка. Холостые люди всегда прилично живут, я заметил. Э, да у него и телефон отдельный. Большое удобство. Вот первым долгом и нужно ему позвонить. (По телефону.) Наркомснаб. Мерси. Добавочный девятьсот. Мерси. Товарища Михельсона. Мерси. (Несколько изменив голос.) Товарищ Михельсон? Бонжур. Товарищ Михельсон, вы до конца на службе будете? Угадайте. Артистка. Нет, не знакома, но безумно хочу познакомиться. Так вы, до четырех будете? Я вам еще позвоню. Я очень настойчивая. (Кладет трубку.) Страшно удивился. Ну-с, начнем. (Взламывает письменный стол, выбирает ценные вещи, затем взламывает шкафы, шифоньерки.) Амфир. Очень аккуратный человек. (Снимает стенные часы, надевает пальто Михельсона, меряет шляпу.) Мой номер. Устал. (Достает из буфета графинчик, закуску, выпивает.) На чем это он водку настаивает? Прелестная водка! Нет, это не польнь. Уютно у него в комнате. Почитать любит. (Берет со стола книгу, читает.) Богат и славен Кочубей. Его луга необозримы... Красивые стихи. (По телефону.) Наркомснаб. Мерси. Добавочный девятьсот. Мерси. Товарища Михельсона. Мерси. Товарищ Михельсон? Это опять я. На чем вы водку настаиваете? Моя фамилия таинственная. А какой вам сюрприз сегодня выйдет! (Кладет трубку.) Страшно удивляется. (Выпивает.) Богат и славен Кочубей. Его луга необозримы...

Комната Михельсона угасает, а в комнату Рейна набирается свет. В воздухе вокруг Рейн и механизма начинается возникать слабо мерцающее кольцо.

Рейн. Ага! Светится. Это иное дело.

Стук в дверь.

Ах, чтоб вы провалились, проклятые! Да! (Тушит кольцо.)

Входит Бунша-Корецкий, на голове у него дамская шляпа.

Меня дома нет.

Бунша улыбается.

Нет, серьезно, Святослав Владимирович, я занят. Что это у вас на голове?

Бунша. Головной убор. Рейн. А вы посмотрите на него. Бунша (у зеркала). Это я шляпку у Лидии Васильевны, значит, надел. Рейн. Вы, Святослав Владимирович, рассеянный человек. В ваши годы дома надо

сидеть, внуков нянчить, а вы целый день бродите по дому с книгой. Бунша. У меня нет внуков. А если я перестану ходить, то произойдет ужас. Рейн. Государство рухнет? Бунша. Рухнет, если за квартиру не будут платить. Рейн. У меня нет денег, Святослав Владимирович. Бунша. За квартиру нельзя не платить. У нас в доме думают, что можно, а на самом деле нельзя. Я по двору прохожу и содрогаюсь. Все окна раскрыты, все на подоконниках лежат и рассказывают такие вещи, которые рассказывать, запрещено. Рейн. Вам, князь, лечиться надо. Бунша. Я уже доказал, Евгений Николаевич, что я не князь, и вы меня не

называйте князем. Рейн. Вы - князь. Бунша. Нет, я не князь. Рейн. Не понимаю этого упорства. Вы - князь. Бунша. А я говорю, нет. (Вынимает бумаги.) Вот документы, удостоверяющие,

что моя мама изменяла папе, и я сын кучера Пантелея. Я похож на

Пантелея. Потрудитесь прочесть. Рейн. Не стоит. Ну, если так, вы - сын кучера, но у меня нет денег. Бунша. Заклинаю вас, заплатите за квартиру, а то Луковкин говорит, что наш дом на черную доску попадет. Рейн. Вчера жена ушла к какому-то Петру Ильичу, потом селедки, потом

является эта развалина, не то князь, не то сын кучера, и истязает меня.

Меня жена бросила, понятно? Бунша. Позвольте, что же вы мне-то не заявили? Рейн. Почему это вас волнует? Вы на нее какие-нибудь виды имели? Бунша. Виды такие, что немедленно я должен ее выписать. Куда она выехала? Рейн. Я не интересовался. Бунша. Понятно, что вам неинтересно. А мне интересно. Я сам узнаю и выпишу.

(Пауза.) Я присяду. Рейн. Да незачем вам присаживаться. Как вам объяснить, что меня

нельзя тревожить во время этой работы? Бунша. Нет, вы объясните. Недавно была лекция, и я колоссальную пользу

получил. Читали про венерические болезни. Вообще наша жизнь очень интересная и полезная, но у нас в доме этого не понимают. Наш дом вообще очень странный. Михельсон, например, красное дерево покупает, но за квартиру платит туго. А вы машину сделали. Рейн. Вы бредите, Святослав Владимирович! Бунша. Я обращаюсь к вам с мольбой, Евгений Николаевич. Вы насчет своей машины заявите в милицию. Ее зарегистрировать надо, а то в четырнадцатой квартире уже говорили, что вы такой аппарат строите, чтобы на нем из-под советской власти улететь. А это, знаете, и вы погибнете, и я с вами за компанию. Рейн. Какая же сволочь это говорила? Бунша. Виноват, это моя племянница. Рейн. Почему эти чертовы ведьмы болтают чепуху? Я знаю, это вы виноваты. Вы

- старый зуда, шляетесь по всему дому, подглядываете, а потом

ябедничаете, да, главное, врете! Бунша. Я - лицо, занимающее официальный пост, и обязан наблюдать. Меня

тревожит эта машина, и я вынужден буду о ней сообщить. Рейн. Ради бога, повремените. Ну, хорошо, идите сюда. Просто-напросто я делаю опыты над изучением времени. Да, впрочем, как я вам объясню, что время есть фикция, что не существует прошедшего и будущего... Как я вам объясню идею о пространстве, которое, например, может иметь пять измерений?.. Одним словом, вдолбите себе в голову только одно, что это совершенно безобидно, не вредно, ничего не взорвется, и вообще никого не касается! Вот, например, возьмем минус 364, минус. Включим. Минус, прошлое. (Включает механизм.)

Кольцо начинает светиться. Слышен певучий звук.

К сожалению, все. (Пауза.) Ах, я идиот! Нет, я не изобретатель, я кретин! Да ведь если шифр обратный, значит, я должен включить плюс! А если плюс, то и цифру наоборот! (Бросается к механизму, поворачивает какой-то ключ, включает наново.)

В то же мгновение свет в комнате Рейна ослабевает, раздается удар колокола, вместо комнаты Михельсона вспыхивает сводчатая палата. Иоанн Грозный с посохом, в черной рясе, сидит и диктует, а под диктовку его пишет Опричник в парчовой одежде, поверх которой накинута ряса.

Слышится где-то церковное складное пение и тягучий колокольный звон. Рейн и Бунша замирают.

Иоанн. ...и руководителю... Опричник (пишет). ...и руководителю... Иоанн. ...к пренебесному селению преподобному игумену Козме иже... Опричник (пишет). ...Козме иже... Иоанн. ...о Христе с братиею... с братиею царь и великий князь Иван

Васильевич всея Руси... Опричник (пишет). ...всея Руси... Иоанн. ...челом бьет. Рейн. Ах!

Услышав голос Рейна, Иоанн и Опричник поворачивают головы. Опричник, дико вскрикнув, вскакивает, пятится, крестится и исчезает.

Иоанн (вскакивает, крестясь и крестя Рейна). Сгинь! Увы мне, грешному! Горе мне, окаянному! Скверному душегубцу, ох! Сгинь! Сгинь! (В исступлении бросается в комнату Рейна, потом, крестя стены, в переднюю и исчезает.) Бунша. Вот какую машину вы сделали, Евгений Николаевич! Рейн. Это Иоанн Грозный! Держите его! Его увидят! Боже мой! Боже мой!

(Бросается вслед за Иоанном и исчезает.) Бунша (бежит к телефону в передней). Дежурного по городу! Секретарь домкома десятого жакта в Банном переулке. У нас физик Рейн без разрешения сделал машину, из которой появился царь! Не я, не я, а физик Рейн! Банный переулок! Да трезвый я, трезвый! Бунша-Корецкий моя фамилия! Снимаю с себя ответственность! Согласен отвечать! Ждем с нетерпением! (Вешает трубку, бежит в комнату Рейна.) Рейн (вбегая). С чердака на крышу хода нету? Боже мой!

Вдруг за палатой Иоанна затавкали набатный колокол, грянул выстрел, послышались крики: "Гой да! Гой да!" В палату врывается Стрелецкий голова с бердышом в руках.

Голова. Где царь? Бунша. Не знаю. Голова (крестясь). А, псы басурманские! Гой да! Гой да! (Взмахивает

бердышом.) Рейн. Черт возьми! (Бросается к механизму и выключает его.)

В то же мгновение исчезают и палата, и Стрелецкий голова и прекращается шум. Только на месте, где была стенка комнаты Михельсона, остается небольшой темный провал.

Пауза.

Видали? Бунша. Как же! Рейн. Пойдите, вы звонили сейчас по телефону? Бунша. Честное слово, нет. Рейн. Старая сволочь! Ты звонил сейчас по телефону? Я слышал твой паскудный голос! Бунша. Вы не имеете права... Рейн. Если хоть кому-нибудь, хоть одно слово! Ну, черт с вами! Стало быть,

на крышу он не выскочит! Боже мой, если его увидят! Он дверь за собой захлопнул на чердак! Какое счастье, что их всех черт за селедками унес!

В этот момент из провала - из комнаты Михельсона появляется встревоженный шумом Милославский с часами Михельсона под мышкой.

Вот тебе раз! Милославский. Я извиняюсь, это я куда-то не туда вышел. У вас тут стенка, что ли, провалилась? Виноват, как пройти на улицу? Прямо? Мерси. Рейн. Нет! Стойте! Милославский. Виноват, в чем дело? Бунша. Михельсоновы часы. Милославский. Я извиняюсь, какие Михельсоновы? Это мои часы. Рейн (Бунше). Да ну вас с часами! Очевидно, я не довел до нуля стрелку.

Тьфу, черт! (Милославскому.) Да вы какой эпохи? Как вас зовут? Милославский. Юрий Милославекий. Рейн. Не может быть! Милославский. Извиняюсь, у меня документ есть, только я его на даче оставил. Рейн. Вы кто такой? Милославский. А вам зачем? Ну, солист государственных театров. Рейн. Я ничего не понимаю. Да вы что, нашего времени? Как же вы вышли из

аппарата? Бунша. И пальто Михельсона. Милославский. Я извиняюсь, какого Михельсона? Что это, у одного Михельсона

коверкотное пальто в Москве? Рейн. Да ну вас к черту с этим пальто! (Смотрит на циферблат механизма.) Ах,

ну да! Я на три года не довел стрелку. Будьте добры, станьте здесь, я

вас сейчас отправлю обратно. (Движет механизм.) Что за оказия! Заело!

Вот так штука! Ах ты, господи! Этот на чердаке сидит! (Милославскому.)

Вы не волнуйтесь. Дело вот в чем. Я изобрел механизм времени, и вы попали... Ну, словом, вы не пугайтесь, я... я сейчас налажу все это.

Дело в том, что время есть фикция... Милославский. Скажите! А мне это и в голову не приходило! Рейн. В том-то и дело. Так вот механизм... Милославский. Богатая вещь! Извиняюсь, это что же, золотой ключик? Рейн. Золотой, золотой. Одну минуту, я только отвертку возьму.

(Отворачивается к инструменту.)

Милославский наклоняется к машине. В то же мгновение вспыхивает кольцо, свет в комнате меняется, поднимается вихрь...

Что такое!.. Кто тронул машину?! Бунша. Караул!

Вихрь подхватывает Буншу, втаскивает его в кольцо, и Бунша исчезает.

Милославский. Чтоб тебя черт! (Схватывается за занавеску, обрывает ее и,

увлекаемый вихрем, исчезает в кольце.) Рейн. Что же это такое вышло! (Влетает в кольцо, схватывает механизм.) Ключ!

Ключ! Где же ключ? (Исчезает вместе с механизмом.)

Наступает полная тишина в доме. После большой паузы парадная дверь открывается, и входит Михельсон.

Михельсон (у двери в свою комнату). Батюшки! (Входит в комнату.) Батюшки! (Мечется.) Батюшки! Батюшки! (Бросается к телефону.) Милицию! Милицию! В Банном переулке, десять... Какой царь? Не царь, а обокрали меня!

Михельсон моя фамилия! (Бросает трубку.) Батюшки!

В этот момент на парадном ходе начинаются энергичные звонки. Михельсон открывает дверь, и входит милиция в большом числе.

Слава тебе, господи! Товарищи, да как же вы быстро успели? Милиция. Где царь?

Михельсон. Какой царь?! Обокрали меня! Стенку взломали! Вы только гляньте!

Часы, пальто, костюмы! Портсигар! Все на свете! Милиция. Кто звонил насчет царя?

Михельсон. Какого такого царя, товарищи? Ограбили! Вы посмотрите! Милиция. Без паники, гражданин! Товарищ Сидоров, займите черный ход. Михельсон. Ограбили!

Темно. Та часть Москвы Великой, которая носит название Блаженство. На чудовищной высоте над землей громадная терраса с колоннадой. Мрамор.

Сложная, но малозаметная и незнакомая нашему времени аппаратура. За столом, в домашнем костюме, сидит Народный Комиссар Изобретений Радаманов и читает. Над Блаженством необъятный воздух, весенний закат.

Анна (входя). Павел Сергеевич, вы что же это делаете? Радаманов. Читаю. Анна. Да вам переодеваться пора. Через четверть часа сигнал. Радаманов (вынув часы). Ага. Аврора прилетела? Анна. Да. (Уходит.) Аврора (входя). Да, я здесь. Ну, поздравляю тебя с наступающим Первым мая. Радаманов. Спасибо, и тебя также. Кстати, Саввич звонил мне сегодня девять

раз, пока тебя не было. Аврора. Он любит меня, и мне приятно его мучить. Радаманов. Но вы меня не мучьте. Он сегодня ломился в восемь часов утра,

спрашивал, не прилетела ли ты. Аврора. Как ты думаешь, папа, осчастливить мне его или нет? Радаманов. Признаюсь тебе откровенно, мне это безразлично. Но только ты дай

ему сегодня хоть какой-нибудь ответ. Аврора. Папа, ты знаешь, в последнее время я как будто несколько

разочаровалась в нем. Радаманов. Помнится, месяц назад ты стояла у этой колонны и отнимала у меня

время, рассказывая о том, как тебе нравится Саввич. Аврора. Возможно, что мне что-нибудь и померещилось. И теперь я не могу

понять, чем он, собственно, меня прельстил? Не то понравились мне его брови, не то он поразил меня своей теорией гармонии. Гармония, папа... Радаманов.

Прости. Если можно, не надо ничего про гармонию, я уже все слышал от Саввича...

На столе в аппаратуре вспыхивает голубой свет.

Ну, вот, пожалуйста. (В аппарат.) Да, да, да, прилетела.

Свет гаснет.

Он сейчас подыметя. Убедительно прошу, кончайте это дело в ту или другую сторону, а я уйду переодеваться. (Уходит.)

Люк раскрывается, и из него появляется Саввич. Он

ослепительно одет, во фраке, с цветами в руках.

Саввич. Дорогая Аврора, не удивляйтесь, я только на одну минуту, пока еще

нет гостей. Разрешите вам вручить эти цветы. Аврора. Благодарю вас. Садитесь,

Фердинанд. Саввич. Аврора, я пришел за ответом. Вы сказали, что дадите его сегодня

вечером. Аврора. Ах, да, да. Наступает Первое мая. Знаете ли что, отложим наш

разговор до полуночи. Я хочу собраться с мыслями. Саввич. Слушаю. Я готов ждать и до

полуночи, хотя и уверен, что ничего не

может измениться за эти несколько часов. Поверьте, Аврора, что наш союз

неизбежен. Мы - гармоническая пара. А я сделаю все, что в моих силах,

чтобы вы были счастливы. Аврора. Спасибо, Фердинанд. Саввич. Итак, разрешите

откланяться. Я явлюсь, как только начнется праздник.

Аврора. Мы будем рады.

Саввич уходит. Радаманов входит, полуодет.

Радаманов. Ушел? Аврора. Ушел. Радаманов. Ты опять не дала ответа? Аврора. Как всякая

интересная женщина, я немного капризна. Радаманов. Извини, но ты вовсе не так интересна, как

тебе кажется. Что же ты

делаешь с человеком? Аврора. А с другой стороны, конечно, не в бровях сила. Бывают

самые

ерундовские брови а человек интересный...

За сценой грохот разбитых стекол. Свет гаснет и

вспыхивает, и на террасу влетают Бунша, затем

Милославский и, наконец, Рейн.

Рейн. О, боже! Бунша. Евгений Николаевич! Милославский. Куда ж это меня занесло?

Радаманов. Артисты. Что ж это вы стекла у меня бьете? О съемках нужно

предупреждать. Это моя квартира. Рейн. Где мы? Да ответьте же, где мы? Аврора. В

Блаженстве. Радаманов. Простите... Аврора. Погоди, папа. Это карнавальная шутка. Они

костюмированы. Радаманов. Во-первых, это раньше времени, а во-вторых, все-таки стекла в

галерее... На одном из них, по-видимому, дамская шляпа. Может быть, это

и очень остроумно... Рейн. Это Москва? (Бросается к парашюту, видит город.) Ах!

(Оборачивается с

безумным лицом, смотрит на светящийся, календарь.) Четыре двойки. Две

тысячи двести двадцать второй год! Все понятно. Это двадцать третий

век. (Теряет сознание.) Аврора. Позвольте! Он по-настоящему упал в обморок! Он голову

разбил! Отец!

Анна! Анна! (Бросается к Рейну.)

Анна вбегает.

Радаманов (по аппарату). Граббе! Поднимитесь ко мне! Да в чем есть! Тут

какая-то чертовщина! Голову разбил! Анна. Кто эти люди? Аврора. Воды! Бунша. Он

помер?

Открывается люк, и вылетает полуодетый Граббе.

Аврора. Сюда, профессор, сюда!

Граббе приводит в чувство Рейна.

Рейн (очнувшись). Слушайте... По только верьте... я изобрел механизм для

проникновения во время... вот он... поймите мои слова... мы люди

двадцатого века!

Темно.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Иллюминированная ночь на той же террасе. Буфет с шампанским. Радаманов и Рейн во фраках стоят у аппарата.

В отдалении Саввич. Анна в бальном платье у аппарата.

Слышна мощная музыка.

Радаманов. Вон, видите, там, где кончается район Блаженства, стеклянные башни. Это - Голубая Вертикаль. Теперь смотрите - поднялся рой огней.

Это жители Вертикали летят сюда. Рейн. Да, да.

В аппарате вспыхивает свет.

Анна. Голубая Вертикаль хочет видеть инженера Рейна. Радаманов. Вы не возражаете?

Рейн. Нет, с удовольствием. Анна (в аппарат). Слушайте. Говорит Народный Комиссар Изобретений Радаманов. Радаманов (Рейну). Сюда, пожалуйста. (Освещаясь сверху, говорит в аппарат.)

Приветствую Голубую Вертикаль! В день праздника Первого мая!

Мимо террасы летит рой светляков. Свет внезапно сверху заливает Рейна.

Вы хотели видеть Рейна? Вот он перед вами. Гениальный инженер Рейн, человек двадцатого века, пронзивший время! Все сообщения в телеграммах о нем правильны! Вот он! Евгений Рейн!

Донесся гул. Светляки исчезают.

Посмотрите, какое возбуждение вы вызвали в мире.

Аппараты гаснут.

Может быть, вы устали? Рейн. О, нет! Я хочу видеть все. Нет, кто действительно гениален, это ваш

доктор Граббе. Я полон сил. Он вдунул в меня жизнь. Саввич. Этим лекарством нельзя злоупотреблять. Радаманов. Вы познакомились? Рейн. Нет еще. Радаманов. Саввич, директор Института Гармонии. Инженер Рейн. (Рейну.) Так,

может быть, вы хотите взглянуть, как танцуют? Анна, займите и проводите гостя. Анна. С большим удовольствием.

Анна и Рейн уходят.

Пауза.

Радаманов. Ну, что вы скажете милый Фердинанд, по поводу всего этого? Саввич. Я поражен. Я ничего не понимаю. (Пауза.) Скажите, Павел Сергеевич,

какие последствия все это может, иметь? Радаманов. Дорогой мой я не пророк. (Хлопает себя по карманам.) У вас нет

папиросы? В этой суматохе я портсигар куда-то засунул. Саввич (похлопав себя по карманам). Вообразите, я забыл свой! (Пауза.)

Радаманов! Нет, этого не может быть! Радаманов. Вот это что-то новенькое. Как же это не может быть того, что

есть? Нет Дорогой Фердинанд, нет, мой дорогой поклонник гармонии, примиритесь с этой мыслью. Трое свалились к нам из четвертого измерения. Ну что ж... Поживем, увидим. Ах, я курить хочу.

Оба уходят. Слышен аплодисмент, и входит Бунша, а за ним задом, с кем-то раскланиваясь, Милославский. Оба выбриты и во фраках.

Милославский. Очень, очень приятно. Мерси, гран мерси. В другой раз с удовольствием. Мерси. (Бунше.) Понравились мы им. Бунша. Все это довольно странно.

Социализм совсем не для того, чтобы

веселиться. А они бал устроили. И произносят такие вещи что ого-го-го... Но самое главное, фраки. Ох прописали бы им ижицу за эти фраки! Милославский. Если в тебя взглядеться, то сразу разочаровываешься. Это кто все им пропишет?

Выходит гость во фраке.

Гость. Я понимаю, что вы ищете уединения, и сию минуту уйду. Мне только хотелось пожать руку спутникам великого Рейна. Милославский. Очень, очень приятно.

Мерси, гран мерси. Милославский Юрий. А

это секретарь. А вы из каких будете? Гость. Я мастер московской водонапорной станции.

Милославский. Очень приятно. Вы тоже трудящийся человек. Да что там... эти рукопожатие всякие... давайте поцелуемся. Гость. Я буду счастлив и польщен.

Милославский обнимает Гостя.

Не забуду этой минуты. (Хочет обнять Буншу.) Милославский. С ним не обязательно. Это секретарь. Гость. Желаю вам всего, всего хорошего. (Удаляется.) Милославский. Приятный народ. Простой, без претензий, доверчивый. Бунша. Надел бы фрак да на общее собрание пришел бы! Вот бы я посмотрел!

Какого он происхождения, интересно бы знать? Милославский. Ты перестань мне гудеть в ухо. Ничего не даешь сообразить. Бунша. Я уже все сообразил и даже с вами могу поделиться своими

соображениями. И одного я не понимаю, откуда у вас появились точно такие часы, как у Михельсона? У меня возникают кое-какие подозрения.

(Подходит к столу, на котором лежат вещи, принесенные из XX века: часы, занавеска, дамская шляпа.) Вот и надпись выцарапана: Михельсон. Милославский. Это я выцарапал "Михельсон". Бунша. Зачем же чужую фамилию выцарапывать? Милославский. Потому что она мне понравилась. Это красивая фамилия.

Пожалуйста, сцарапываю и выцарапываю новую: Милославский. Это вас успокаивает? Бунша. Нет, не успокаивает. Все равно я подозреваю. Милославский. О господи! Тоска какая. На что мне, обеспеченному человеку,

Михельсоновы посредственные часы? Вот часы так часы! (Вынимает из кармана часы.) Бунша. У товарища Радаманова точно такие же часы.. и буква "Р". Милославский. Ну, вот видишь. Бунша. А на каком основании вы мне "ты" говорите? Милославский. Можешь и мне говорить "ты". Анна (входит.) Не скучаете ли вы одни? Выпьете шампанского. Милославский. Покорнейше благодарю. Простите, мадемуазель, за нескромный вопрос, нельзя ли нам спиртику выпить в виде исключения? Анна. Спирту? Вы пьете спирт? Милославский. Кто же откажется? Анна. Ах, это интересно. У нас, к сожалению, его не подают. Но вот кран. По

нему течет чистый спирт. Милославский. Ах, как у вас комнаты оборудованы? Бунша, бокальчик. Анна. А неужели он не жжется? Милославский. А вы попробуйте. Бунша, бокальчик даме. Анна (выпив). Ой! Милославский. Закусывайте, закусывайте. Бунша. Закусывайте!

В это время входит смущенный Гость и, стараясь не помешать, что-то ищет под столом.

Милославский. Что ищете, отец? Гость. Простите, я где-то обронил медальон с цепочкой. Милославский. Э-э, это жалко. Гость. Простите, посмотрю еще в бальном зале.(Уходит.) Милославский. Славные у вас люди. За ваше здоровье. Еще бокальчик. Анна. А я не опьянею? Милославский. От спирту-то? Что вы! Вы только закусывайте. Князь, мировой папштет. Бунша. Я же рассказывал тебе про Пантелея. Милославский. Да ну тебя к черту с

твоим Пантелеем! Все равно им, кто вы

такой. Происхождение не играет роли. Бунша (Анне). Позвольте, товарищ, навести у вас справочку. Вы в каком

профсоюзе состоите? Анна. Простите, я не понимаю. Бунша. То есть, чтобы иначе выразиться, вы куда взносы делаете? Анна. Тоже не понимаю. (Смеется.) Милославский. Ты меня срамишь. Ты бы еще про милицию спросил. Ничего у них

этого нет. Бунша. Милиции нет? Ну, это ты выдумал. А где же нас пропишут? Анна. Простите, что я улыбаюсь, но я ни одного слова не понимаю из того, что

вы говорите. Вы кем были в прошлой жизни? Бунша. Я секретарь домоуправления в нашем жакте. Анна. А... а... вы что делали в этой должности? Бунша. Я карточками занимался, товарищ. Анна. А-а. Интересная работа? Как вы проводили ваш день? Бунша. Очень интересно. Утром встаешь, чаю напьешься. Жена в кооператив, а я

сажусь карточки писать. Первым долгом смотрю, не умер ли кто в доме. Умер - значит, я немедленно его карточки лишаю. Анна (хохочет). Ничего не понимаю.

Милославский. Позвольте, я объясню. Утром встанет, начнет карточки писать, живых запишет, мертвых выкинет. Потом на руки раздаст; неделя пройдет, отберет их, новые напишет, опять раздаст, потом опять отберет, опять напишет... Анна (хохочет). Вы шутите! Ведь так с ума можно сойти! Милославский. Он и сошел! Анна. У меня голова закружилась. Я пьяна. А вы сказали, что от спирта нельзя

опьянеть. Милославский. Разрешите, я вас, за талию поддержу. Анна. Пожалуйста. У вас несколько странный в наше время, но, по-видимому,

рыцарский подход к женщине. Скажите, вы были помощником Рейна? Милославский. Не столько помощником, сколько, так сказать, его интимный

друг. Даже, собственно, не его, а соседа его Михельсона. Я случайно проезжал в трамвае, дай, думаю, зайду. Женя мне и говорит... ; Анна. Рейн? Милославский.

Рейн, Рейн... Слетаем, что ли... Я говорю: а что ж, не все ли равно, летим... (Бунше.) Помолчи минутку. И вот-с, пожалуйста, такая

история... Разрешите вам руку поцеловать. Анна. Пожалуйста. Я обожаю смелых людей. Милославский. При нашей работе нам нельзя несмелым быть. Оробеешь, а потом

лет пять каяться будешь. Радаманов (входит). Анна, голубчик, я в суматохе где-то свои часы потерял. Милославский. Не видел. Анна. Я потом поищу. Бунша. Товарищ Радаманов...

Радаманов. А? Бунша. Товарищ Радаманов, я вам хотел свои документы сдать. Радаманов. Какие документы? Бунша. Для прописки, а то ведь мы на балу веселимся непрописанные. Считаю

долгом предупредить. Радаманов. Простите, дорогой, не понимаю... Разрешите потом... (Уходит.) Бунша. Совершенно расхлябанный аппарат. Ни у кого толку не добьешься. Граббе

(входит). А, наконец-то я вас нашел! Радаманов беспокоится, не устали ли вы после полета? {Анне.) Простите, на одну минутку. (Наклоняется к

груди Милославского, выслушивает сердце.) Вы пили что-нибудь? Милославский. Лимонад. Граббе. Ну, все порядке. (Бунше) А вы? Бунша. У меня, товарищ доктор, поясница

болит по вечерам, а стул очень затрудненный. Граббе. Поправим, поправим. Позвольте-ка пульсик. А где ж часы-то мои?

Неужели выронил? Милославский. Наверно, выронили. Граббе. Ну, неважно, всего доброго. В пальто, что ли, я их оставил?..

(Уходит.) Анна. Что это все с часами как с ума сошли? Милославский. Обхохочешься! Эпидемия! Бунша (Милославскому тихо). Часы Михельсона - раз, товарища Радаманова

два, данный необъяснимый случай... подозрения мои растут... Милославский. Надоел. (Анне.) Пройдемся? Анна. Я на ногах не стою из-за вашего спирта. Милославский. А вы

опирайтесь на меня. (Бунше тихо.) Ты бы пошел в другое

место. Иди и там веселись самостоятельно. И что ты за мной таскаешься?

Все трое уходят. Входят Рейн и Аврора. Рейн идет, схватившись за голову.

Аврора. Дорогой Евгений Николаевич, да где же он-то? Рейн. Одно из двух: или он остался на чердаке, или его уже схватили. И

вернее всего, что он сейчас уже сидит в психиатрической лечебнице. Вы

знаете, я как только вспомню о нем, прихожу в ужас. Да, да... Да, да...

Несомненно, его уже взяла милиция, и воображаю, что там происходит! Но,

впрочем, сейчас говорить об этом совершенно бесполезно. Все равно

ничего не исправишь. Аврора. Вы не тревожьте себя, а выпейте вина. Рейн. Совершенно верно. (Пьет.) Да, история... Аврора. Я смотрю на вас и не могу отвести глаз. Но вы-то отдаете себе отчет

в том, что вы за человек? Милый, дорогой Рейн, когда вы восстановите

свою машину? Рейн. Ох, знаете, там у меня катастрофа. Я важную деталь потерял. Ну, впрочем, это выяснится...

Пауза.

Аврора. Скажите, ну, у вас была личная жизнь? Вы были женаты? Рейн. Как же. Аврора.

Что ж теперь с вашей женой? Рейн. Она убежала от меня. Аврора. От вас? К кому? Рейн. К

какому-то Семену Петровичу, я не знаю точно... Аврора. А почему она вас бросила? Рейн. Я

очень обнищал из-за этой машины, и нечем было даже платить за

квартиру. Аврора. Ага... ага... А вы... Рейн. Что? Аврора. Нет, ничего, ничего.

Бьет полночь. Из бальных зал донесся гул. В то же время

открывается люк и появляется Саввич.

Аврора. Полночь. Ах, вот мой жених. Рейн. А! Аврора. Ведь вы знакомы? Саввич. Да, я

имею удовольствие. Аврора. Вы хотите со мной поговорить, Фердинанд, не правда ли? Саввич.

Если позволите. Я явился в полночь, как вы назначили. Рейн. Пожалуйста, пожалуйста, я...

(Встает.) Аврора. Не уходите далеко, Рейн, у нас только несколько слов.

Рейн выходит.

Милый Фердинанд, вы за ответом? Саввич. Да. Аврора. Не сердитесь на меня и забудьте меня. Я не могу быть вашей женой.

Пауза.

Саввич. Аврора... Аврора! Этого не может быть. Что вы делаете? Мы были

рождены друг для друга. Аврора. Нет, Фердинанд, это грустная ошибка. Мы не рождены

друг для друга. Саввич. Скажите мне только одно: что-нибудь случилось? Аврора. Ничего не

случилось. Просто я разглядела себя и вижу, что я не ваш

человек. Поверьте мне, Фердинанд, вы ошиблись, считая нас гармонической

парой. Саввич. Я верю в то, что вы одумаетесь, Аврора. Институт Гармонии не

ошибается, и я вам это докажу! (Уходит.) Аврора. Вот до чего верит в гармонию! (Зовет.)

Рейн!

Рейн входит.

Извините меня, пожалуйста; вот мой разговор и кончен. Налейте мне,

пожалуйста, вина. Пойдемте в зал.

Рейн и Аврора уходят.

Милославский (входит задом). Нет, мерси. Гран мерси. (Покашливает.) Не в

голосе я сегодня. Право, не в голосе, Покорнейше, покорнейше благодарю. Анна (вбегает).

Если вы прочтете, я вас поцелую. Милославский. Принимаю ваши условия. (Подставляет лицо.)

Анна. Когда прочтете. А про - спирт вы наврали - он страшно пьяный. Милославский. Я извиняюсь... Радаманов (входит.) Я вас очень прошу - сделайте мне одолжение, прочтите что-нибудь моим гостям. Милославский. Да ведь, Павел Сергеевич... я ведь только стихи читаю. А

репертуара, как говорится, у меня нету. Радаманов. Стихи? Вот и превосходно. Я, признаться вам, в стихах ничего не смыслю, но уверен, что они всем доставят большое наслаждение. Анна. Пожалуйста к аппарату. Мы вас передадим во все залы. Милославский. Застенчив я, вот горе... Анна. Не похоже.

Милославского освещают.

(В аппарат.) Внимание! Сейчас артист двадцатого века Юрий Милославский прочтет стихи.

Аплодисмент в аппарате.

Чьи стихи вы будете читать? Милославский. Чьи, вы говорите? Собственного сочинения.

Аплодисмент в аппарате. В это время входит Гость, очень мрачен. Смотрит на пол.

Богат... и славен... Кочубей... Мда... Его поля... необозримы! Анна. Дальше! Милославский. Конец.

Некоторое недоуменное молчание, потом аплодисмент.

Радаманов. Bravo, bravo... спасибо вам. Милославский. Хорошие стишки? Радаманов. Да какие-то коротенькие уж очень. Впрочем, я отношу это к достоинству стиха. У нас почему-то длиннее пишут. Милославский. Ну, простите, что не угодил, Радаманов. Что вы, что вы... Повторяю вам, я ничего не понимаю в поэзии. Вы вызвали восторг, послушайте, как вам аплодируют. Крики в аппарате: "Милославского! Юрия" Анна. Идемте кланяться. Милославский. К чему это?.. Застенчив я... Анна. Идемте, идемте.

Анна и Милославский уходят, и тотчас доносится бурная овация.

Радаманов (Гостю). Что с вами, дорогой мой? Вам нездоровится? Гость. Нет, так, пустяки.

Радаманов. Выпейте шампанского. (Уходит.) Гость (выпив в одиночестве три бокала, некоторое время ползает по полу, ищет

что-то). Стихи какие-то дурацкие... Не поймешь, кто этот Кочубей...

Противно пишет... (Уходит.)

Вбегает Услужливый гость, зажигает свет в аппарате.

Услужливый гость. Филармония? Будьте добры, найдите сейчас же пластинку под названием "Аллилуйя" и дайте ее нам, в бальный зал Радаманова. Артист

Милославский ничего другого не танцует... Молитва? Одна минута...

(Убегает, возвращается.) Нет, не молитва, а танец. Конец двадцатых годов двадцатого века.

В аппарате слышно начало "Аллилуйи".

Аврора. Никого нет. Очень хорошо. Я устала от толпы. Рейн. Проводить вас в ваши комнаты? Аврора. Нет, мне хочется быть с вами. Рейн. Что вы сказали вашему жениху? Аврора. Это вас не касается. (Убегает и через некоторое время возвращается) Это! (Убегает.)

Рейн и Аврора входят.

Рейн. Что вы сказали вашему жениху?

Аврора внезапно обнимает и целует Рейна. В то же время в дверях появляется Бунша.

Рейн. Как вы всегда входите, Святослав Владимирович!

Бунша скрывается.

Услужливый гость (вбегает, говорит в аппарат). Громче! Гораздо громче!

(Убегает, потом возвращается, говорит в аппарат.) Говорит, с колоколами! Дайте колокола! (Убегает, потом возвращается, говорит в аппарат.) И пушечную стрельбу! (Убегает.)

Слышны громовые звуки "Аллилуйи" с пальбой и колоколами.

Услужливый гость (возвращается). Так держать. (Убегает.) Рейн. Что он, с ума сошел? (Убегает с Авророй.)

Темно.

Конец второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же терраса. Раннее утро. Рейн в своей прозодежде у механизма. Встревожен, что-то вспоминает. Появляется тихонько Аврора и молча смотрит, как он работает.

Рейн. Нет, не могу вспомнить и не вспомню никогда... Аврора. Рейн!

Рейн оборачивается.

Не мучь себя, отдохни. Рейн. Аврора!

Целуются.

Аврора. Сознаться, ты опять не спал всю ночь? Рейн. Ну, не спал. Аврора. Не смей работать по ночам. Ты переутомишься, потеряешь память и ничего не добьешься. Мне самой уже - я просыпалась сегодня три раза все время сняты цифры, цифры, цифры... Рейн. Тес... Мне показалось, что кто-то ходит...

Аврора. Кто же может прийти без сигнала? (Пауза.) Ты знаешь, я одержима мыслью, что мы с тобой улетим. И как только я подумаю об этом; у меня кружится голова... Я хочу опасностей, полетов! Рейн, ты понимаешь ли, какой ты человек!

В аппарате свет.

Отец. Его сигнал. Летим куда-нибудь! Тебе надо отдохнуть. Рейн. Я должен переодеться. Аврора. Вздор! Летим!

Уходят оба.

Радаманов входит, останавливается около механизма Рейна, долго смотрит на него, потом садится за стол, звонит.

Анна (входит). Добрый день, Павел Сергеевич! Радаманов. Ну-с. Анна. Нету, Павел Сергеевич. Радаманов. То есть как нет? Это уже из области чудес. Анна. Павел Сергеевич, бюро потерь искало. Радаманов. Бюро здесь решительно ни при чем. И часы, и портсигар были у меня в кармане. Анна. Поверьте, Павел Сергеевич, что мне так неприятно... Радаманов. Ну, если неприятно, то черт с ними! И не ищите, пожалуйста, больше!

Анна идет.

Да, кстати, как поживает этот Юрий Милославский? Анна. Я не знаю, Павел Сергеевич. А почему вы вспомнили его? Радаманов. Вот и я не знаю. Но почему-то только вспомню про часы, так сейчас

же вспоминаются его стихи про этого, как его... Кочубея... Что это, хорошие стихи, да? Анна. Они, конечно, древние стихи, но хорошие. И он великолепно читает,

Павел Сергеевич! Радаманов. Ну, тем лучше. Ладно.

Анна уходит.

Радаманов погружается в работу. На столе вспыхивает сигнал, но Радаманов не замечает его. Саввич входит, молча останавливается и смотрит на Радаманова.

(Некоторое время еще читает, не замечая его, машинально берется за карман.) Богат и славен... (Видит Саввича.) А-а! Саввич. Я вам звонил. Вход к вам свободен.

Радаманов. Я не заметил. Прошу садиться. (Пауза.) Вы что-то плохо выглядите.

(Пауза.) Вы что же, помолчать ко мне пришли? Саввич. Нет, Радаманов, говорить.

Радаманов. О-хо-хо... Согласитесь, дорогой Фердинанд, что я не виноват в том, что я ее отец... и... будем считать вопрос исчерпанным. Давайте кофейку выпьем. Саввич. Бойтесь этих трех, которые прилетели сюда! Радаманов. Что это вы меня с утра пугаете? Саввич. Бойтесь этих трех! Радаманов. Что вы хотите, мой дорогой? Скажите пояснее. Саввич. Я хочу, чтобы они улетели отсюда в преисподнюю! Радаманов, Все единогласно утверждают, что преисподней не существует,

Фердинанд. И, кроме того, все это очень непросто и даже, милый мой,

наоборот... Саввич. То есть чтоб они остались здесь? Радаманов. Именно так. Саввич. Ах,

понял. Я понимаю значение этого прибора. Ваш комиссариат может заботиться о том, чтобы сохранить его изобретение для нашего века, а Институт Гармонии должен позаботиться о том, чтобы эти трое - чужие нам - не нарушили жизни в Блаженстве! И об этом позабочусь я! А они ее нарушат, это я вам предсказываю! Я уберегу от них наших людей, и прежде всего уберегу ту, которую считаю лучшим украшением Блаженства,

Аврору! Вы мало ее цените! Прощайте! (Уходит.) Радаманов. О-хо-хо... Да, дела... (Звонит.)

Анна входит.

Анна, закройте все сигналы, чтобы ко мне никто не входил. Анна. Да. (Уходит.)

Через некоторое время появляется Бунша и молча садится на то место, где сидел Саввич.

Радаманов (подняв голову). Вот тебе раз! Дорогой мой, что же вы не дали сигнал, прежде чем подняться? Бунша. Очень удобный аппарат, но сколько я ни дергал...

Радаманов. Да зачем же его дергать? Просто-напросто он закрыт. Бунша. Ага. Радаманов. И так, чем я вам могу быть полезен? Бунша (подает бумагу). Я к вам с жалобой, товарищ Радаманов.

Радаманов. Прежде всего, Святослав Владимирович, не надо бумаг. У нас они не приняты, как я вам уже говорил пять раз. Мы их всячески избегаем.

Скажите на словах. Это проще, скорее, удобнее. И так, на что жалуетесь? Бунша. Жалуюсь на Институт Гармонии. Радаманов. Чем он вас огорчил? Бунша. Я хочу жениться. Радаманов. На ком? Бунша. На ком угодно. Радаманов. Впервые слышу такой ответ. А... Бунша. А Институт Гармонии обязан мне невесту подыскать. Радаманов. Помилосердствуйте, драгоценный мой! Институт не сваха. Институт

изучает род человеческий, заботится о чистоте его, стремится создать идеальный подбор людей, но вмешивается он в брачные отношения лишь в крайних случаях, когда они могут угрожать каким-нибудь вредом нашему обществу. Бунша. А общество ваше бесклассовое? Радаманов. Вы угадали сразу -

бесклассовое. Бунша. Во всем мире? Радаманов. Решительно во всем. (Пауза.) Вам что-то не нравится в моих

словах? Бунша. Не нравится. Слышится в ваших словах, товарищ Радаманов, какой-то

уклон. Радаманов. Объясните мне, я не понимаю, что значит уклон? Бунша. Я вам как-нибудь в выходной день объясню про уклон, Павел Сергеевич,

так вы очень задумаетесь и будете осторожны в ваших теориях. Радаманов. Я буду вам признателен, но вернемся к вашему вопросу. Невесту вы должны подыскать себе сами, а уж если Институт Гармонии поставит вам какие-нибудь препятствия, как человеку новому, то тут и потолкуем. Бунша. Павел Сергеевич, в наш переходный период я знал, как объясняться с дамами. А в бесклассовом обществе... Радаманов. Совершенно так же, как и в классовом. Бунша. А вы бы как ей сказали?.. Радаманов. Я, голубчик, ни за какие деньги ничего бы ей не сказал, ибо,

давно овдовев, не чувствую склонности к семейной жизни. Но если б такая блажь мне пришла в голову, то сказал бы что-нибудь вроде того: я полюбил вас с первого взгляда... по-видимому, и я вам нравлюсь... Простите, больше беседовать не могу, меня ждут на заседании. Знаете что, поговорите с Анной или Авророй, они лучше меня... Всего доброго. (Уходит.) Бунша. Не бюрократ. Свой парень. Таких надо беречь да беречь. (Садится за стол Радаманова, звонит.) Анна (входит). Да, Павел Сер... Это вы звонили? Бунша. Я. Анна. Оригинально. Вам что-нибудь угодно мне сказать? Бунша. Да. Я полюбил вас с первого взгляда. Анна. Мне очень лестно, я очень тронута, но, к сожалению, мое сердце занято.

(Кладет бумагу на стол.) Бунша. Не надо никаких бумаг, как я уже много раз говорил. Скажите на словах. Это скорее, удобнее и проще. Вы отказываете мне? Анна. Отказываю. Бунша. Вы свободны. Анна. В жизни не видела ничего подобного. Бунша. Не будем терять времени. Вы свободны.

Анна уходит.

Бунша. Первый блин комом. Аврора (входит). Отец! Ах, это вы? А отца нет?

Бунша. Нет. Присядьте, мадемуазель Радаманова. Увидев вас, я полюбил вас с первого взгляда. Есть основание полагать, что и я вам нравлюсь.

(Целует Аврору в щеку.) Аврора (хлопнув его по щеке). Дурак! (Уходит.) Бунша. Вы зарываетесь, Аврора Павловна! Но ничего! Мы ударим по рукам зарвавшегося члена общества!

Входит Саввич.

Вот кстати. Саввич. Павла Сергеевича нет? Бунша. Нет. На пару слов. Саввич. Да. Бунша. Я полюбил вас с первого взгляда. Саввич. Это что значит? Бунша. Это вот что значит. (Вынимает из кармана записочку и таинственно

читает.) "Директору Института Гармонии. Первого мая сего года в половине первого ночи Аврора Радаманова целовалась с физиком Рейном. С тем же физиком она целовалась третьего мая у колонны. Сего числа в восемь часов утра означенная Аврора целовалась с тем же физиком у аппарата, причем произнесла нижеследующие слова: мы с тобой улетим..." Саввич. Довольно! Я не нуждаюсь в ваших сообщениях! (Выхватывает у Бунши бумажку, рвет ее, затем быстро уходит.) Бунша. Вот будет знать Аврора Павловна, как по щекам хлестать секретарей

домкомов! Милославский (за сценой). Болван здесь? Бунша. Меня разыскивает. Милославский (входит). А-а, ты здесь. Скучно мне, Святослав. Хочешь, я тебе часы подарю? Но при одном условии: строжайший секрет, ни при ком не вынимать, никому не показывать. Бунша. А как же я время буду узнавать? Милославский. Они не для этого. Просто на память, как сувенир. Ты какие предпочитаешь, открытые или глухие? Бунша. Такое изобилие часов наводит меня. на

страшные размышления. Милославский. Ты поделись с кем-нибудь этими размышлениями. Вот попробуй.

Так глухие, что ли? Бунша. Глухие. Милославский. Получай. Бунша. Большое спасибо. Но, извиняюсь, здесь буква "Х", а мои инициалы "С".

В. Б." Милославский. Без капризов. У меня не магазин. Прячь. Рейн (входит). Вы почему здесь? Вас же повезли Индию осматривать. Милославский. Ничего интересного там нет. Рейн. Да вы в ней и пяти минут не пробыли. Милославский. Мы и одной минуты в ней не пробыли. Рейн. Так какого же черта вы говорите, что неинтересно? Милославский. В аэроплане рассказывали. Бунша. Полное однообразие. Рейн. Вы-то бы уж помолчали, Святослав Владимирович! Большим разнообразием

вы пользовались в вашем домкоме. Ну, хорошо, мне некогда. (Направляется к своему механизму.) Слушайте, вы собираетесь у меня над душой, стоять?

Я так работать не могу Отправляйтесь в какое-нибудь другое место, если вам не нравится Индия. Милославский. Академик! Женя! Что же это с вашей машиной? Вы будете любезны

доставить нас на то место, откуда вы нас взяли. Рейн. Я не шофер. Милославский. Э-э-х! Рейн. Вы - жертвы случая. Произошла катастрофа. Я же не виноват, что вы оказались у Михельсона в комнате. Да, впрочем, почему катастрофа?

Миллионы людей мечтают о том, чтобы их перенесли в такую жизнь. Неужели вам здесь не нравится? Милославский. Миллиону нравится, а мне не нравится. Нету мне применения

здесь! Рейн. Да что вы рассказываете? Почему не читаете ваших стихов? За вами ходят, вам смотрят в рот! Но никто от вас ничего не слышал, кроме этого осточертевшего Кочубея. Милославский. Э-э-х! (Выпивает спирту из крана, потом разбивает стакан.) Рейн. Что это за хамство! Милославский. Драгоценный академик! Шевельните мозгами! Почините вашу

машинку, и летим отсюда назад! Трамваи сейчас в Москве ходят! Народ суется! Весело! В Большом театре сейчас утренник. В буфете давка! Там сейчас антракт! Мне там надо быть! Тоскую.(Становится на колени.) Бунша (тоже становится на колени). Евгений Николаевич! Меня милиция сейчас разыскивает на всех парусах. Ведь я без разрешения отлучился. Я эмигрант! Увезите меня обратно! Рейн. Да ну вас к черту! Прекратите вы этот цирк!

Поймите, что тут беда случилась. Ключ выскочил из машины! С шифром ключ. А я без него не могу пустить машину. Мидоелавский. Что? Ключ, говорите? Это золотой ключик? Рейн. Именно, золотой ключик. Милославский. Что же ты молчал две недели?! (Обнимает Рейна.) Ура! Ура! Ура! Рейн. Отвяжитесь вы от меня! На нем двадцать цифр, я их вспомнить не могу! Милославский. Да чего же их вспоминать, когда у вас ключ в кармане в прозодежде! Рейн. Там его нет. (Шарит в карманах, вынимает ключ.) Что такое? Ничего не понимаю. Это волшебство! Бунша. Цепь моих подозрений скоро замкнется. Рейн. Аврора! Аврора! Аврора (входит). Что? Что такое? Рейн (показывает). Ключ! Аврора. У меня подкосились ноги... Где он был? Рейн. Не понимаю... В кармане... Аврора. В кармане! В кармане! Милославский. Летим немедленно! Рейн. Виноват, мне нужны сутки, чтобы отрегулировать машину. А если вы

будете метаться у меня перед глазами, то и больше. Пожалуйста, уходите оба. Милославский. Уходим, уходим. Только уж вы, пожалуйста, работайте, а не отвлекайтесь в сторону. Рейн. Попрошу вас не делать мне указаний. Аврора

(Милославскому). И никому ни слова о том, что найден ключ. Милославский. Будьте покойны, ни-ни-ни... (Бунше.) Следуй за мной, и чтоб

молчать у меня! (Уходит с Буншей.) Рейн. Ключ! Аврора, ключ! (Обнимает ее.)

Милославский (выглянув). Я же просил вас, Женечка, не отвлекаться... Пардон, мадемуазель. Ушел, ушел, ушел... Проверил только и ушел.

Темно.

Та же терраса. Рейн и Аврора у механизма. Рейн регулирует его, и время от времени начинает мерцать

Кольцо.

Рейн. Слышишь? Аврора. Гудит.

В аппарате вспыхивает сигнал. Рейн тушит кольцо, прячет ключ в карман.

Тсс... Отец. (Уходит.) Радаманов (входит). Здравствуйте, Рейн. Извините, что я прерву вашу работу,

но у меня дело исключительной важности. Рейн. Я к вашим услугам. Радаманов. Я только что с заседания, которое было посвящено вам. Рейн. Слушаю. Радаманов. И вот что мне поручили передать вам. Мы постановили считать, что

ваше изобретение - сверхгосударственной важности. А вас, автора этого изобретения, решено поставить в исключительные условия. Все ваши потребности и все ваши желания будут удовлетворяться полностью, независимо от того, чего бы вы ни пожелали. К этому нечего добавлять, кроме того, что я поздравляю вас. Рейн. Я прошу вас передать Совету Народных

Комиссаров мою величайшую

признательность, а также благодарность за то гостеприимство, с которым

приняли меня и моих случайных спутников. Радаманов. Я все это передам. И это все, что вы хотели сказать? Рейн. Да, все... я польщен... Радаманов. Признаюсь вам, я ожидал большего.

На вашем месте я бы ответил

так. Я благодарю государство и прошу принять мое изобретение в дар. Рейн. Как? Вы хотите, чтобы я отдал свою машину? Радаманов. Прошу вас помыслить. Могло бы быть иначе? Рейн. А! Я начинаю понимать. Скажите, если я восстановлю свою машину... Радаманов. В чем,

кстати говоря, я не сомневаюсь. Рейн. Мне дадут возможность совершать на ней мои полеты самостоятельно? Радаманов. С нами, с нами, гениальный инженер Рейн! Рейн. Народный Комиссар Изобретений! Мне все ясно. Прошу вас, вот мой

механизм, возьмите его, но предупреждаю вас, что я лягу на диван и шагу

не сделаю к нему, пока возле него будет хотя бы один контролер. Радаманов. Не поверю, не

поверю. Если вы это сделаете, вы умрете в самый короткий срок. Рейн. Вы что же, перестанете меня кормить? Радаманов. Поистине вы сын

иного века. Такого, как вы, не кормить? Ешьте сколько угодно. Но настанет момент, когда еда не пойдет вам в рот, и вы

зачахнете. Человек, совершивший то, что совершили вы, не может лечь на диван. Рейн. Эта машина принадлежит мне. Радаманов. Какая ветхая, но интересная

древность говорит вашими устами! Она принадлежала бы вам, Рейн, если б вы были единственным человеком на

земле. Но сейчас она принадлежит всем. Рейн. Позвольте! Я человек иной эпохи. Я прошу

отпустить меня, я ваш случайный гость. Радаманов. Дорогой мой. Я безумцем назвал бы того, кто бы это сделал!

И

никакая эпоха не отпустила бы вас и не отпустит, поверьте мне! Рейн. Я не понимаю, зачем вам понадобилась эта машина? Радаманов. Вы не понимаете? Не верится мне. Вы не производите впечатления

неразвитого человека. Первый же поворот винта закончился тем, что сейчас там, в той Москве, мечется этот... как его... Василий Грозный...

он в девятнадцатом веке жил? Рейн. Он жил в шестнадцатом, и его звали Иван. Радаманов.

Прошу прощения, я плоховато знаю историю. Это специальность

Авроры. Итак, там вы оставили после себя кутерьму. Затем вы кинетесь, быть может, в двадцать шестой век... И кто, кроме Саввича, который уверен, что в двадцать шестом будет; непременно лучше, чем у нас в двадцать третьем, поручится, что именно вы там встретите? Кто, знает, кого вы притащите к нам из этой загадочной дали на ваших же плечах? Но это не все. Вы представляете себе, какую пользу мы принесем, к огда проникнем в иные времена? Ваша машина бьет на четыреста лет, вы говорите? Рейн. Примерно да. Радаманов. Стало быть, она бьет по бесконечности. И, быть может, еще при

нашей с вами жизни мы увидим замерзающую землю и потухающее над ней солнце! Это изобретение принадлежит всем! Они все живут сейчас, а я им служу! О Рейн! Рейн. Я понял. Я пленник. Вы не отпустите меня. Но мне интересно, как вы осуществите контроль надо мной. Ведь не милиционера же вы приставите ко мне? Радаманов. Единственный милиционер, которого вы можете увидеть у нас, стоит под стеклом в музее Голубой Вертикали, и стоит уже с лишком сто лет.

Кстати, ваш приятель Милославский вчера, говорят, сильно выпивши, посетил музей и проливал слезы умиления возле этого шкафа. Ну, у всякого свой вкус... Нет, дорогой мой, ваш мозг слишком развит, чтобы вас учить с азов! Мы просим вас сдать нам изобретение добровольно.

Откажитесь от своего века, станьте нашим гражданином. А государство приглашает вас с нами совершить все полеты, которые мы совершим. Руку,

Рейн! Рейн. Я сдаю машину, вы убедили меня. Радаманов (жмет руку Рейну, открывает шкаф). Один ключ от шкафа будет

храниться, у меня, другой постановлено вручить Саваичу. Он выбран вторым контролером. С завтрашнего дня я дам вам специалистов по восстановлению памяти и в три, дня вы найдете ваш шифр. я вам ручаюсь. Рейн.

Подождите закрывать, Радаманов, специалисты мне не нужны. Ключ с шифром нашелся, вот он. Я завтра могу пустить механизм в ход. Радаманов. Уважаемый Рейн. Руку. (Берет ключ.) Аврора (вбегает). Сию минуту отдай ключ мне! Ты что наделал! Я так и знала,

что тебе нужна нянька! Радаманов. Ты с ума сошла? Ты подслушивала нас? Аврора. Все до последнего слова. Расстаться с моим мечтанием увидеть все,

что мы должны были увидеть! Ну, так имей, отец, в виду, что Рейн не полетит без меня! Правда, Рейн? Рейн. Правда. Аврора. Это мой муж, отец! Имей в виду это! Мы любим друг друга! Радаманов (Рейну). Вы стали ее мужем? Я на вашем месте сильно бы задумался

перед тем, как сделать это. Впрочем, это ваше частное дело. (Авроре.)

Попрошу тебя, перестань кричать. Рейн. Павел Сергеевич... Аврора. Нет, я не перестану!

Рейн. Павел Сергеевич, вы мне сказали, что мои желания будут исполняться? Радаманов. Да, я это сказал. А раз я сказал, я могу это повторить. Рейн, Так вот, я желаю, чтобы Аврора летела со

мной. Аврора. Вот это по-мужски! Радаманов. И она полетит с вами. Аврора (Решу). Требуя, чтоб первый полет был в твою жизнь! Я хочу видеть

твою комнату! И потом подайте мне Ивана Грозного. Радаманов. Она полетит с вами. Но раньше, чем с нею летать, я бы на вашем

месте справился, каков у нее характер. Аврора. Сию минуту замолчи. Радаманов. Нет, ты замолчи, я еще не кончил. (Вынимает футляр.) Мы просим

вас принять Этот хронометр. На нем надпись: "Инженеру Рейну - Совет Народных Комиссаров Мира". (Открывает футляр.) Позвольте! Куда же он девался? Я показывал его только Милославскому, и он еще хлопал в ладоши от восторга! Нет, это слишком!

На столе вспыхивает сигнал, открывается люк, и появляется Саввич.

Саввич. Я прибыл, как условлено. Радаманов. Да. Вот механизм. А вот ключ. Он нашелся. Прошу вас, закрывайте. Саввич. Значит, машина пойдет в ход? Радаманов. Да.

Закрывают шкаф.

Аврора (Саввичу). Фердинанд, Рейн - мой муж, и имейте в виду, что я совершу полеты с ним. Саввич. Нет, Аврора. Это будет еще не скоро. Слушайте постановление Института. На основании исследования мозга этих трех лиц, которые прилетели из двадцатого века. Институт постановил изолировать их на год для лечения, потому что, Радаманов, они опасны для нашего общества. И имейте в виду, что все пропажи последнего времени объяснены. Вещи похищены этой компанией. Эти люди неполноценны. Аврора и Рейн, мы разлучаем вас. Аврора. Ах, вот как! Отец, полюбуяйся на директора Института Гармонии! Посмотри-ка на него! Он в бешенстве, потому что потерял меня! Саввич. Аврора, не оскорбляйте меня. Я исполнил свой долг. Он не может жить

в Блаженстве! Рейн (Саввичу). Что вы сказали насчет пропаж?! (Схватывает со стола пресс-папье.) Радаманов. Рейн! Положите пресс-папье! Я приказываю вам! (Саввичу.) Мне надоел ваш Институт Гармонии! И я вам убедительно докажу, что он мне надоел. Рейн. Радаманов! Я жалею, что отдал ключ! Саввич. Прощайте. (Опускается в люк.) Радаманов. Рейн, ждите меня и успокойтесь. Я беру это на себя. (Уходит.) Аврора (бежит задним). Отец! Скажи им, что... (Исчезает.) Рейн (один). Ах, вот как... вот как...

Входят Милославский и Бунша.

Милославский. Ну, что, профессор, готова машина? Рейн. Сию минуту подать сюда хронометр! Милославский. Хронометр? Это который с надписью? Так вот он, на столе лежит.

Вон он... Бунша. Вот теперь мои подозрения перешли в уверенность. Рейн. Оба вон! И если встретите Саввича, скажите ему, чтобы он остерегся попасться мне на дороге!

Темно.

Конец третьего действия.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Тот же день. Та же площадка.

Анна. Милый Жорж, я так страдаю за вас! Может быть, я чем-нибудь могу облегчить ваши переживания? Милославский. Можете. Стукните кирпичом вашего вредного Саввича по голове. Анна. Какие образные у вас выражения, Жорж. Милославский. Это не образные выражения. Настоящих образных вы еще не

слышали. Эх, выругаться б сейчас, может быть, легче бы стало. Анна. Так ругайтесь, Жорж! Милославский. Вы думаете? Ах, ты! Нет, не буду. Неудобно как-то здесь.

Приличная обстановка... Анна. Жорж, я не верю в то, что вы преступник! Милославский. Кто же этому поверит? Анна. О, как вы мне нравитесь, Жорж! Милославский. Я всем женщинам нравлюсь. Анна. Какая жестокость! Милославский. Анеточка, вы бы лучше пошли бы, послушали, что они там говорят

на заседании. Анна. На что ты меня толкаешь? Милославский. Ну, как хочешь... Пускай погибну я, но прежде я в ослепительной надежде... Анна. Твои стихи? Милославский. Мои. Анна. Я иду. (Уходит.) Бунша входит.

Милославский. Подслушал? Бунша. Не удалось. Я на колонну влез, но меня заметили. Милославский. Осел какой! Бунша. Я и сам в отчаянии.

Пауза.

Граббе. Можно войти? Милославский. А-а, доктор! Милости просим. Что скажете, доктор, хорошенького? Граббе. Да, к сожалению, хорошенького мало. Институт поручил мне, во-первых,

ознакомить вас с нашими исследованиями, а во-вторых, принять вас на лечение. (Вручает Милославскому и Бунше по конверту). Милославский. Мерси. (Читает.)

Одолжите ваше пенсне на минуточку, я здесь одно слово не разберу. Граббе. Пожалуйста. Милославский. Это... что означает... клептомания? Граббе. Болезненное влечение к воровству. Милославский. Ага. Благодарю вас. Мерси. Бунша. И я попрошу пенсне одолжить. Это что такое - деменция? Граббе. Слабоумие.

Бунша, возвращает пенсне.

Милославский. Мерси от имени обоих. Это какой же гад делал исследование? Граббе. Извините, это мировая знаменитость профессор Мэрфи в Лондоне. Милославский (по аппарату): Лондон. Мерси. Профессора Мэрфи. Мерси.

В аппарате голос: "Вам нужен переводчик?"

Нет, не нужен. Профессор Мэрфи? Вы не профессор Мэрфи, а паразит.

(Закрывает сигнал.) Граббе. Что вы делаете? Милославский. Молчать! Три раза мне палец снимали и отпечатывали: в Москве,

в Ленинграде и в Ростове-на-Дону, и все начальники уголовного розыска единодушно сказали, что человек с таким пальцем не может украсть. И вдруг, является какой-то фельдшер, коновал... Граббе. Одумайтесь. Бунша, повлияйте на вашего приятеля... Бунша. Молчать! Граббе (по аппарату). Саввич!

Саввич появляется.

Я отказываюсь их лечить. Передайте их какому-нибудь другому врачу.

(Уходит.) Саввич (Милославскому). Вы оскорбили профессора Граббе? Ну, смотрите, вам придется раскаяться в этом! Милославский. Я оскорбил? Это он меня оскорбил! А равно также лучшего моего

друга, Святослава Владимировича Буншу-Корецкого, бывшего князя и секретаря! Это что за слово такое - клептомания? Я вас спрашиваю, что это за слово такое - клептомания? Саввич. Попрошу вас не кричать! Милославский. Я шепотом говорю! Это что такое - клептомания? Саввич. Ах, вы не знаете? Клептомания - это вот что. Это когда в Блаженстве

вдруг начинают пропадать одна за другой золотые вещи... Вот что такое клептомания! Скажите, пожалуйста, вам не попадался ли мой портсигар? Милославский. Маленький, золотой, наискосок буква "С"? Саввич. Вот, вот именно! Милославский. Не попадался. Саввич. Куда же он девался? Милославский. Запирать надо, молодой человек, портсигары. А то вы их

расшвыриваете по столам, людей в грех вводите. А им потом из-за вас страдать приходится! Гляньте на этот палец! Может ли человек с этим пальцем что-нибудь украсть? Вы понимаете, что такое наука дактилоскопия? Ах, не дочитали? Вы только клептоманию выучили. Когда мой палец рассматривали в МУРе, из всех отделов сбежались смотреть! Не может этот палец коснуться ничего чужого! На тебе твой портсигар, подавись им! На! (Швыряет портсигар Саввичу.) Саввич. Хорошую компанию привез в Блаженство инженер Рейн! И в то время,

когда этот человек попадает с чужой вещью, Радаманов по доброте своей пытается вас защитить! Нет, этого не будет! Вы сами ухудшили свое положение! (Уходит.) Бунша. Я думал, что он успокоится от твоей речи, а он еще больше раздражился.

Вбегают Рейн и Аврора.

Евгений Николаевич! Меня кровно оскорбили. Рейн. Попрошу вас замолчать. Мне некогда слушать вашу ерунду. Выйдите на

минутку отсюда, я должен посоветоваться с Авророй. Бунша. Такие оскорбления смываются только кровью. Рейн. Уходите оба!

Бунша и Милославский уходят.

Ну, Аврора, говори, у нас мало времени. Аврора. Надо бежать! Рейн. Как? Обмануть Радаманова? Я дал ему слово! Аврора. Бежим! Я не позволю, чтобы они распоряжались тобой! Я ненавижу

Саввича! Рейн. Да! Ну, думай, Аврора, я даю тебе несколько секунд всего! Тебе придется покинуть Блаженство, и, вероятно, навсегда! Ты больше не вернешься сюда! Аврора. Мне надоели эти колонны, мне надоел Саввич, мне надоело Блаженство!

Я никогда не испытывала опасности, я не знаю, что у нее за вкус! Летим! Рейн. Куда? Аврора. К тебе! Рейн. Милославский! Милославский и Бунша появляются. Милославский. Я! Рейн. Чтоб сейчас здесь были ключи от шкафа! Один в кармане у Радаманова,

другой - у Саввича! Милославский. Женя! С этим пальцем человек украсть не... Рейн. Ах, человек не может! Ну, оставайся в лечебнице! Милославский. ...украсть на заседании не может, потому что его туда не

пустят, но он может открыть любой шкаф. Рейн. Болван! Этот шкаф закрыт тройным шифром! Милославский. Кухонным замком такие шкафы и не закрывают. Вы, Женечка, сами болван. Бунша, на стрему! Впустишь кого-нибудь - убью! (Рейну.)

Благоволите перочинный ножичек. (Берет нож у Рейна и вскрывает первый замок.) Аврора (Рейну). Ты видел? Милославский. Бунша! Спишь на часах?! Голову оторву! (Открывает шкаф

наетежь.) Анна (вбегает) Они постановили... Что ты делаешь?! Милославский. Это отпадает, что они постановили! Ана. Ты безумен! Это государственный секретный шкаф! Значит, они говорили

правду! Ты преступник! Милославский. Анюта, ша!

Рейн вынимает из шкафа механизм и настраивает его.

Анна. Аврора, останови их! Образумь их! Аврора. Я бегу вместе с ними. Милославский. Анюточка, едем со мной! Анна. Нет, нет! Я боюсь! Это страшное преступление! Милославский. Ну, как знаешь. На суде держись смело! Вали все на одного

меня! И что б судья ни спросил, говори только одну формулу - была пьяна, ничего не помню! Тебе скидку дадут! Анна. Я не могу этого видеть!(Убегает).

Милославский (вслед). Если будет мальчик - назови его Жоржем! В честь меня!

Бунша! Складайся! Рейн. Не смейте брать ничего из шкафа!. Милославский. Ну, нет! Один летательный аппаратик я прихвачу!

В этот момент начались тревожные сигналы. Вдали слышались голоса. И падает стальная стена, которая отрезает путь с площадки.

Рейн. Что это? Аврора. Скорей! Это тревога! Шкаф дал сигнал! Скорей!

Вспыхивает кольцо вокруг механизма, и послышался взрыв музыки.

Милославский. Большой театр! К последнему действию поспеем! Бунша (схватив часы Михельсона, бросается к механизму). Я - лицо официальное, я первый! Милославский. Черт с тобой! Рейн. По одному. (Включает механизм.)

Поднимается вихрь, свет на мгновение гаснет, и Бунша исчезает.

Милославский. Анюта! Вспоминай меня! (Исчезает.)

Люк раскрывается, и поднимается Саввич.

Саввич. Ах, вот что! Тревога! Тревога! Они взломали шкаф! Они бегут!

Радаманов! (Бросается, пытаясь помешать, схватывает Аврору за руку.)

Рейн (выхватывает из шкафа автоматический пистолет, стреляет в воздух).

Саввич выпускает Аврору.

Саввич! Я уже предупредил вас, чтобы вы не попадались мне на дороге!

Одно движение - и я вас застрелю! Саввич. Это гнусное насилие! Я безоружен! Аврора!

Аврора. Я вас ненавижу!

Открывается другой люк, и появляется Радаманов.

Саввич. Радаманов! Берегитесь! Здесь убийца! Он вас застрелит! Радаманов. Я не боюсь.

Саввич. Я не могу задержать его, он вооружен! Радаманов. Стало быть, и не нужно его задерживать. (Рейну, указав на кассу.)

Как же так, инженер Рейн? Рейн (указав на Саввича). Вот кого поблагодарите. (Вынимает хронометр.) Вот

хронометр. Милославский отдал мне его! Возвращаю вам его; Павел

Сергеевич. Я не имею на него права. Прощайте! Мы никогда не увидимся! Радаманов. Кто знает, кто знает, инженер Рейн! Рейн. Прощайте! Аврора. Отец! Прощай! Радаманов. До свиданья! Супруги Рейн! Когда вам наскучат ваши полеты возвращайтесь к нам! (Нажимает кнопку.)

Стальная стена уходит вверх, открывая колоннаду и воздух Блаженства.

Рейн бросает пистолет, включает механизм. Взрыв музыки.

Рейн схватывает с собой механизм и исчезает вместе с

Авророй. Сцена в темноте.

Саввич. Радаманов! Что мне делать? Они улетели! Радаманов. Это ваша вина! И вы ответите за это, Саввич! Саввич. Аврора! Вернись!

Темно.

Комната Рейна. Тот же день и час, когда наши герои вылетали в Блаженство. На сцене расстроенный Михельсон и милиция. Пишут протокол. Милиция. На кого же имеете подозрение, гражданин? Михельсон. На всех. Весь дом - воры, мошенники и контрреволюционеры. Милиция. Вот так дом! Михельсон. Берите всех! Прямо по списку! А

флигель во дворе - так тот тоже

населен преступниками сверху донизу. Милиция. Без паники, гражданин. (Смотрит список.) Кто у вас тут проживает,

стало быть? Бунша-Корецкий? Михельсон. Вор! Милиция. Инженер Рейн? Михельсон. Вор! Милиция. Гражданка Подрезкова? Михельсон. Воровка! Милиция. Гражданин Михельсон? Михельсон. Это я, пострадавший. Берите всех, кроме меня. Милиция. Без паники.

Внезапно вихрь, свет гаснет и вспыхивает. Является Бунша с часами Михельсона в руках.

Михельсон. Вот он! Хватайте его, товарищи! Мои часы! Бунша. Товарищи! Добровольно вернувшийся к исполнению своих обязанностей

секретарь Бунша-Корецкий прибыл. Прошу занести в протокол добровольно. Я спас ващи часы, уважаемый гражданин Михельсон. Милиция (Бунще). Вы откуда взялись? Вы задержаны, гражданин. Бунша. С наслаждением передаю себя в руки родной милиции и делаю важное

заявление: на чердаке...

Свет гаснет. Гром и музыка, и является Милославский.

Михельсон. Товарищи, мое пальто! Милославский (внезапно вскакивает на подоконник, распахивает окно, срывает с

себя пальто Михельсона). Получите ваше пальто, гражданин Михельсон, и отнесите его на барахолку! Надел я его временно! Также получите и ваши карманные часы и папиросницу! Вы не видели, какие папиросницы и польта бывают! Украсть же я ничего не могу! Гляньте на этот палец! Бунша,

прощай! Пиши в Ростов! Михельсон. Держите его! Бунша. Жоржик! Отдайся в руки милиции вместе со мной и чистосердечно

раскайся! Милославский. Гран мерси! Оревуар! (Разворачивает летательный аппарат.

Улетает.} Бунша. Улетел! Товарищи! На чердаке... Милиция. Ваше слово впоследствии!

Музыка, свет гаснет, являются Рейн и Аврора.

Михельсон. Вот тоже из их шайки! Рейн. Гражданин Михельсон! Вы - болван! Аврора, успокойся, ничего не бойся! Аврора. Кто эти люди в шлемах? Рейн. Это милиция. (Милиции.) Я - инженер Рейя. Я изобрел механизм времени и

только что был в будущем. Эта женщина - моя жена. Прошу вас быть поосторожнее с ней, чтобы ее не испугать. Михельсон. Меня обокрали, и их же еще не

пугать! Милиция. С вашим делом, гражданин, повремените. Это из этого аппарата царь появился? Бунша. Из этого, из этого. Это я звонил! Он на чердаке сейчас сидит, я же говорил! Милиция. Товарищ Мостовой! Товарищ Жудилов!

Движение. Открывается дверь на чердак, потом все отшатываются. В состоянии тихого помешательства идет

Иоанн. Увидев всех, крестится.

Иоанн. О, беда претягчайшая!.. Господие и отцы, молю вас, исполу есмь чернец.

Пауза.

Михельсон. Товарищи, берите его! Нечего на него глядеть! Иоанн (мутно поглядев на Михельсона). Собака! Смертный прыщ! Михельсон. Ах, я же еще и прыщ! Аврора (Рейну).

Боже, как интересно! Что же с ним сделают? Отправь его обратно. Он сошел с ума! Рейн. Да.

Включает механизм. В этот же момент грянул набат.

Возникла сводчатая палата Иоанна. По ней мечется

Стрелецкий голова.

Голова. Стрельцы! Гей, сотник! Гой да! Где царь?! Рейн (Иоанну). В палату! Иоанн. Господи! Господи! (Бросается в палату.)

Рейн и выключает механизм, и в то же мгновение исчезают палата, Иоанн и Голова.

Милиция (Рейну). Вы арестованы, гражданин. Следуйте за нами. Рейн. С удовольствием. Аврора, не бойся ничего. Бунша. Не бойтесь, Аврора Павловна, милиция у нас добрая. Михельсон. Позвольте, товарищи, а дело о моей краже? Милиция. Ваша кража временно отпадает, гражданин. Тут поважнее кражи.

Уводят Рейна, Аврору и Буншу.

Михельсон (один, после некоторого отупения). Часы, папиросница тут, пальто... Все тут... (Пауза.) Вот, товарищи, что у нас произошло в Банном переулке. А ведь расскажи я на службе или знакомым, ведь не поверят, нипочем не поверят!

Темно.

Конец.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)